Воскресенье, 3 декабря 1916 г.
Dimanche, 3 Decembre 1916

Bi-mensuel russe de Paris
L'Echo de la Vie

№ 11-12
Цѣна 20 сант.

Отклики Жизни

Изданіе Группы
Соціалистовъ-Революціонеровъ
(Выходитъ два раза въ мѣсяцъ)

Адресъ Редакціи:
Redaction de «L'Echo de la Vie»
19, rue Daguerre, Paris.

ВОЕННО-БУРЖУАЗНАЯ „ОРГАНИЗАЦІЯ ТРУДА"

—:—

Германія собирается произвести новую, громадную реформу. Это будетъ levée en masse — всенародное ополченіе — но не только ополченіе взрослыхъ и здоровыхъ мужчинъ для нуждъ фронта, но и ополченіе всего, что обладаетъ трудоспособностью, для нуждъ „тыла".

Иными словами, Германія собирается ввести.. *всеобщую трудовую повинность*!

Но вѣдь это же — идея чисто соціалистическая! Пусть такъ. Но развѣ нѣмецкіе соціалистическіе писатели не трубятъ уже давно о мирныхъ побѣдахъ своихъ идей, о „соціалистическихъ завоеваніяхъ военнаго времени" — „Sozialistische Errungenschaften der Kriegszeit", какъ гласитъ названіе одной изъ относящихся сюда статей О. Гейнемана?

Развѣ „Metallarbeiterzeitung", органъ союза германскихъ рабочихъ по металлу, не восклицалъ уже давно въ упоеніи:

„Наступила новая эра. Война въ короткое время сдѣлала изъ насъ другихъ людей. Изъ насъ всѣхъ, безъ различія ранга, имущественнаго и государственнаго. То, что мы прививали рабочему классу, какъ вѣчный стимулъ поведенія, и признанія чего мы тщетно добивались отъ состоятельныхъ классовъ — все это, въ одну сказочную ночь, сдѣлалось общимъ достояніемъ большого и могучаго народа. *Соціализмъ вездѣ, куда ни взглянешь*!".

Kriegssocialismus... Военный соціализмъ...

Доселѣ подъ его знаменемъ шла „мобилизація промышленности". Теперь пойдетъ прямая и непосредственная „мобилизація національнаго труда".

Военный соціализмъ... или *военно-государственный капитализмъ*?

Достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы на него отвѣтить. О какомъ соціализмѣ можетъ быть рѣчь тамъ, гдѣ основною цѣлью организаціи поставлено не творчество, а разрушеніе? Гдѣ центромъ тяготѣнія являются нужды фронта, а вся страна превращается въ простой придатокъ къ нему, въ его „тыловую" часть? Гдѣ все дѣло организаціи въ рукахъ авторитарной, диктаторской кучки, высоко стоящей надъ народомъ, внѣ всякаго его контроля? Гдѣ, наконецъ, все завѣдываніе дѣломъ использованія народнаго труда полюбовно дѣлятъ между собою — властная бюрократія и не менѣе властная финансово-промышленная олигархія? Соціализмъ, берущій „фельдфебеля въ Вольтеры!" Соціализмъ, отъ котораго на сто верстъ отдаетъ специфическимъ запахомъ казармы! Соціализмъ подъ хозяйственнымъ завѣдываніемъ плутократіи!

Да, это не соціализмъ, а капитализмъ, или, если угодно, „сверхъ-капитализмъ", „гиперъ-капитализмъ". Не прежній капитализмъ, приватный, разрозненный, атомистическій, „раздѣленный на ся" — а новый, планомѣрно-организованный, національно-цѣлостный, своеобразно-огосударствленный. Не рабъ рынка, не рабъ спроса и предложенія, не невольникъ понижающей цѣну конкурренціи, а организаторъ рынка, учитывающій спросъ, нормирующій производство, диктующій цѣны.

Это — національный капитализмъ, уже не какъ простое собирательное понятіе, не какъ простая механическая сумма частныхъ капиталовъ, работающихъ въ предѣлахъ данной страны или находящихся въ рукахъ членовъ извѣстной національности. Нѣтъ, — это національный капитализмъ, какъ нѣкоторое организованное, сцѣпленное въ своихъ частяхъ, полу-федеративно, полу-авторитарно управляемое единство, путемъ тѣснаго взаимодѣйствія и многообразной взаимозависимости сросшееся съ современнымъ государствомъ — не то его органъ, не то, наоборотъ, его превратившее въ свой органъ. Это — могучая организованная сила, за время войны привыкшая къ авторитаризму — и пріучившая народныя массы къ своему авторитаризму. Авторитаризму какъ экономическому, такъ и политическому.

Германія идетъ впереди всѣхъ другихъ странъ въ дѣлѣ государственно-національной организаціи своего капитализма, и, подъ его ферулой — національнаго труда. Но это лишь потому, что и нужда въ наиболѣе разсчетливомъ и экономномъ употребленіи всѣхъ ея рессурсовъ — подъ знаменемъ „все для войны! все для побѣды!" — у нея самая острая, и подготовленность ея къ организаціи, а, быть можетъ, и природный „организаціонный геній" въ болѣе развитомъ состояніи, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Она — все время — математическій предѣлъ для стремленій, для потугъ другихъ странъ.

Вспомнимъ извѣстныя, сказанныя еще въ началѣ войны и весь міръ обошедшія слова знаменитаго химика и „энергетическаго философа" Оствальда:

„Я хочу объяснить вамъ великій секретъ Германіи. Германская раса открыла „факторъ организаціи". Другіе народы еще живутъ при режимѣ индивидуализма, въ то время, какъ мы живемъ при режимѣ организаціи. У насъ все стремится къ тому, чтобы вытянуть изъ каждой личности максимумъ того, что она можетъ дать въ смыслѣ наиболѣе благопріятнаго для общества...

„Среди нашихъ враговъ русскіе еще находятся въ состояніи безформенной орды, въ то время, какъ французы и англичане достигли степени развитія, на которой мы находились пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Этотъ періодъ называется индивидуалистическимъ. Но выше этого находится періодъ организаторскій..."

Отбросимъ въ сторону то, что въ этихъ словахъ приходится на долю неумѣренной національной гордыни — и мы получимъ, поистинѣ, глубоко значительныя слова, быть можетъ, самыя значительныя, которыя за время войны раздавались въ Европѣ.

Это похоронный звонъ эпохѣ стараго, индивидуалистическаго или атомистическаго капитализма, базирующагося на анархіи производства. Его пѣсенка спѣта. Наступила эра капитализма организующаго и организаторскаго, эра національнализированнаго, эра своеобразно-огосударствленнаго капитализма. Эра сверхъ- или гиперъ-капитализма.

Къ нему быстро идетъ Германія, подстегивая другихъ своимъ примѣромъ. Законъ конкурренціи, законъ борьбы за существованіе заставляетъ ея соперниковъ не отставать, слѣдовать за нею по пятамъ, какъ можно скорѣе ставя ногу въ ея свѣжіе слѣды. И даже капиталъ отсталой Россіи успѣшно копируетъ всѣ внѣшнія олигархическія замашки германской промышленности, карабкаясь на модные гиперъ-капиталистическія ходули, и въ „организующихъ“ потугахъ хищнически дезорганизуя все, вызывая полную хозяйственную разруху и гоня всѣ цѣны на сумасшедшую высоту.

Что дѣлать! Мобилизація промышленности... на войнѣ, какъ на войнѣ! — утѣшаютъ себя оптимисты. Война смѣнится миромъ, мобилизація промышленности — ея демобилизаціей, и все наводняющія полыя воды опять войдутъ въ свои берега.

О, слѣпота! о, иллюзіи! И они не видятъ того, что миръ принесетъ съ собою лишь измѣненіе внѣшнихъ формъ организаціи капитала, лишь ея частичныхъ проявленій, но ни въ какомъ случаѣ не внутренней сущности. Война не *создала* этого „организаторскаго“ періода въ капитализмѣ. Онъ подготовлялся еще до нея. „Классическій“ капитализмъ полнаго господства свободной конкурренціи уже тогда въ своихъ порахъ заключалъ зародыши новаго капитализма. Въ монополіяхъ, въ трестахъ, во всякаго рода нормировкахъ производства онъ частично уже подымался на высшую ступень развитія. Война, съ одной стороны, ускорила процессъ вытѣсненія стараго новымъ. Вмѣсто того, чтобы долго еще существовать, въ качествѣ частностей, на общемъ фонѣ старой „анархіи производства“, новые ростки сразу, однимъ сильнымъ толчкомъ, заняли этотъ „общій фонъ“, оттѣснивъ „анархію“ въ дальніе углы. Война, съ другой стороны, придала всему процессу своеобразную „милитаризованную“ форму. Сойдетъ со сцены война — и утратится тотъ черезчуръ казарменный оттѣнокъ, которымъ нынѣ запечатлѣнъ „организаторскій“ фазисъ капитализма. Перемѣстится отъ „фронта“ къ „тылу“ — центръ тяготѣнія производства, и соотвѣтственно произойдетъ частичное перекочеваніе капитала изъ однѣхъ отраслей производства въ другія. Возродятся, хотя съ модификаціями, обрубленныя войною международныя торговыя связи. Но и только. Смѣшно было бы думать, что капиталъ выпуститъ изъ своихъ рукъ всѣ тѣ новые рессурсы, всѣ тѣ организаціонныя пріобрѣтенія, которыя за время войны многократно усилили его концентрированность, его приспособленность къ власти надъ условіями производства и обмѣна, къ власти надъ рынкомъ. Надъ рынкомъ товаровъ — и надъ рынкомъ труда.

Да, во всѣхъ странахъ послѣ войны рабочіе будутъ имѣть дѣло съ *новымъ* національнымъ капитализмомъ, несравненно болѣе могучимъ и властнымъ, и еще болѣе органически сросшимся съ классовымъ буржуазнымъ государствомъ, чѣмъ раньше. Недаромъ даже въ республиканскихъ странахъ, какъ Франція, и въ монархическихъ лишь по имени, какъ Великобританія, государственность за время войны стала несравненно болѣе авторитарной. И было бы младенческой наивностью думать, что послѣ заключенія мира навыки и тенденціи къ авторитаризму моментально улетучатся. Нѣтъ, немедленно окажется, что они успѣли пустить глубокіе корни, что это измѣненіе соотвѣтствуетъ самой сущности „организаторскаго“ періода капитализма, увеличивающаго его единую властную организующую волю и въ хозяйственной области не менѣе, чѣмъ въ политической. Что же послѣ этого и говорить о странахъ монархическихъ, начиная съ имперій „центральной Европы“ и продолжая далѣе на Востокъ, гдѣ въ полномъ ходу взаимоприспособленіе старыхъ формъ династическо-бюрократическаго и милитарно-дворянскаго господства съ новыми формами буржуазной, финансово-промышленной олигархіи! Тамъ всѣ вопросы станутъ еще острѣе, еще круче — и еще неотложнѣе.

Таковы тѣ силы, съ которыми повсюду лицомъ къ лицу станетъ трудовая демократія, пережившая тяжкіе уроки войны, вышколенная въ казармахъ „мобилизованной промышленности“, дезорганизованная великимъ расколомъ и кризисомъ соціализма, потерявшая ориентацію въ затишьи „гражданскаго мира“, переутомленная страшнымъ напряженіемъ силъ и нервовъ за время войны и вынужденная влачить за собою тяжкій соціальный грузъ калѣкъ и инвалидовъ. О, поистинѣ нужна вся глубина, вся сила вѣры въ массы, свойственной соціализму, чтобы не смутиться отъ тѣхъ перспективъ, которыя открываетъ передъ нами подобная ситуація, чтобы ждать отъ нея лишь одного: тяжкихъ историческихъ родовыхъ мукъ, въ которыхъ явится на свѣтъ, противъ *новаго капитализма*, также и *новый соціализмъ*, освобожденный отъ всего того слабаго и дряблаго, что привело къ роковому крушенію соціализма II-го Интернаціонала!

ЮБИЛЯРЫ И ТРІУМФАТОРЫ

1 Обида и реваншъ

„Годъ борьбы„ — борьбы „На два фронта“, во имя „Освобожденія черезъ побѣды„ и въ полномъ согласіи съ „Тѣмъ, чему училъ старый интернаціоналъ“, — борьбы, „Итоги и перспективы“ которой съ несомнѣнностью устонавливаютъ правильность „Нашей позиціи“, безупречной даже „Sub specie aeternitatis“ и трогательно санкціонированной „Письмомъ“ знатнаго иностранца,

Этимъ заглавными словами исчерпывается всѣ скромное содержаніе юбилейнаго номера „Призыва“.

Онъ украшенъ именами всѣхъ пастырей россійскаго соціалпатріотизма заграницей. Есть тутъ и два „свадебныхъ генерала“. Отсутствуетъ одинъ лишь А. Кубовъ. Онъ, впрочемъ, отъюбилярилъ раньше: „уличилъ“ циммервальдистовъ эсъ-эровъ въ нѣсколькихъ подлогахъ и уподобилъ сборники „На чужбинѣ“ газетѣ „Русскій вѣстникъ“, издаваемой нѣмецкими властями для русскихъ военно-плѣнныхъ.

Подвигъ самый, что ни на есть, тріумфаторскій. Дальше ужъ и итти то некуда...

Тоска и скука — таково общее впечатлѣніе отъ юбилейнаго изданія нашихъ соціалъ-патріотовъ.

Скучно читать въ сотый разъ о томъ, какъ „твердо увѣренный въ себѣ и нимало не смущающійся“ Г. Плехановъ отказывается „работать pour le roi de Prusse“, а Н. Авксентьевъ „достигаетъ освобожденія Россіи отъ внутренняго врага *въ процессѣ* самообороны ея отъ иноземнаго нашествія“.

Тоскливо слѣдить за легкокрылою аргументаціей И. Бунакова, думающаго, очевидно, что обиліемъ цитатъ не трудно доказать, что угодно, даже то, чего никогда не отрицали его идейные противники. Еще тоскливѣе плестись за расплывчато-ползучими реляціями Б. Воронова, искренне увѣреннаго въ томъ, что „реквизиція скота“ есть несомнѣн-

но крупный шагъ по пути къ двуединой побѣдѣ и двуединому, внѣшне-внутреннему и внутренно-внѣшнему, освобожденію Россіи.

И совсѣмъ ужъ непереносно разбираться въ надсиживаньяхъ и подсиживаньяхъ цеммервальдцѣда и кинталофага, А. Любимова, которому... а впрочемъ да простятся ему всѣ прегрѣшенія его.

Даже Г. Алексинскій не нарушилъ этого монотонно-скучнаго аккорда; на этотъ разъ — должно быть, ради праздника — онъ никому дознанія не производитъ и только чуть чуть клеветонитъ... „sub specie aeternitatis“... на какихъ то „весьма презрѣнныхъ“ людей, которыя, дескать, возлагаютъ всѣ свои освободительныя упованія на побѣду Германіи.

Тоскливо. Скучно. Скучно въ сотый разъ спорить, опровергать, доказывать, убѣждать. Тосливо потому, что психологія людей, правящихъ имянины сердца, знаетъ лишь одинъ неоспоримый аргументъ: sic credo, sic volo, sic iubeo. И не для того, чтобъ спорить взялся я за юбилейный номеръ „Призыва“. Меня въ немъ интересуетъ другое.

Я вижу, что праздникъ ихъ испорченъ. Испорченъ лирическими отступленіями, беззубыми сарказмами и горделивыми заявленіями самихъ юбиляровъ, а еще больше неосторожными оговорками „свадебныхъ генераловъ“.

Пусть Б. Воропову кажется, что „всѣ живыя силы Россіи“ съ нимъ и что „жизнь полностью оправдала его соціально-политическій прогнозъ“. Пусть А. Любимовъ тѣшится мыслью, что, называя взгляды своихъ противниковъ „цимервальдскою трухой“, онъ выявляетъ признаки большого ума и яркаго политическаго темперамента. Пусть Г. Плехановъ грозится посчитаться съ нами, „сектантами“, на первомъ же международномъ конгрессѣ, а тотъ же Б. Вороновъ называетъ всѣхъ несогласно мыслящихъ „параженческими шакалами“. Пусть. Это они обиду свою вымѣщаютъ, реваншъ даютъ за приростую къ нимъ кличку патріотовъ, нео-кадетовъ, русскихъ Зюдекумовъ, гасителей революціоннаго духа и т. д. Око за око, зубъ за зубъ, и жалкія слова о несправедливомъ, „нетоварищескомъ“ къ себѣ отношеніи пора оставить. Пустяки все это. Есть вещи посерьезнѣе.

Когда, напримѣръ Н. Авксентьевъ говоритъ, что онъ „съ пренебрежительнымъ спокойствіемъ“ относился къ нападкамъ интернаціоналистовъ и что нападки эти „не могли ни задѣвать ни интересовать“ его, то меня беретъ сомнѣніе: такъ ли это? вѣрно ли?

И думается, что за этой позой, достойной маркиза Позы, сквозитъ все та же обида, — но гордая, ищущая исцѣленія въ философіи s'en fich'изма. А доказательства сему — смотри ниже.

II Неосторожная осторожность.

Французскій соціалистъ, Луи Дюбрейль, прислалъ юбилярамъ приличествующее ихъ праздничному настроенію письмо. Въ письмѣ этомъ есть, между прочимъ, слѣдующія строки: „Несомнѣнно, обстановка, въ которой приходится работать вамъ, гораздо болѣе трудна, чѣмъ та, въ которой живемъ и дѣйствуемъ мы. Ваша задача — мы знаемъ это — болѣе неблагодарна, чѣмъ наша. Но тѣмъ больше заслуги и славы вамъ, если вы деведете свое дѣло до благополучнаго конца“.

Благодушно-настроенный французъ не почувствовалъ, кажется, какую позолоченную пилюлю преподнесъ онъ товарищамъ-юбилярамъ.

Напоминаніе объ „обстановкѣ“, въ которой наши соціалъ-патріоты, ведутъ политику „defense nationale“, должно всегда двоить ихъ мысль и чувство. И врядъ ли сознаніе „заслуги и славы“ покрываетъ собою полностью то самочувствіе, которое лучше всего выражается словами:

Ахъ, двѣ души живутъ въ груди моей!...

Одна цѣпляется за думскій прогрессивный блокъ и военно-промышленные комитеты, за „реквизицію скота“ и .. за иныхъ прочихъ скотовъ... во имя„ освобожденія черезъ побѣду“; а другая устремляется ввысь, къ нетлѣннымъ „забытымъ“ словамъ и дѣйствіямъ.

Непріятное напоминаніе, растравляетъ обиду, ущемляетъ гордость, портитъ праздникъ. Наивный французъ! Началъ за здравіе, и вдругъ... „таскать бы вамъ не перетаскать, носить бы вамъ не переносить“.

Сдѣлано это, конечно, безъ всякаго злого умысла, по добротѣ душевной.

Не столь невинны размышленія на ту жу тему Э. Вандервельдэ.

Это — человѣкъ чрезвычайно осторожный, тонкій діалектикъ и дипломатъ, знающій, гдѣ что обнажить до конца, гдѣ завуалировать, гдѣ поставить вопросъ рѣзко, ребромъ и гдѣ наоборотъ, затушевать острые углы и примирить противорѣчія.

Въ статьѣ, спеціально написанной для юбилейнаго номера „Призыва“ онъ очень политично касается вопроса о несходномъ положеніи соціалистовъ различныхъ странъ „согласія“. Для бельгійцевъ, говоритъ онъ, дѣло рѣшается очень просто —въ смыслѣ „законной самообороны“.

„Но таково ли положеніе въ другихъ мѣстахъ? Я остерегусь утверждать это. Я охотно признаю, я не могу не признать, что для еврея, поляка, финляндца, для русскаго соціалъ-демократа или соціалиста-революціонера безконечно-бобѣе трудно, чѣмъ для насъ отождествить дѣло союзныхъ державъ съ дѣломъ свободы и демократіи“.

Видите ли: онъ остерегается признать то, что безапеляціонно признали наши соціалъ-патріоты; онъ не рѣшается отождествлять то, что они съ такимъ легкимъ сердцемъ отождествили; онъ остороженъ, очень остороженъ и этою своею осторожностью такъ не осторожно касается самыхъ чувствительныхъ, самыхъ больныхъ мѣстъ нашихъ друго-враговъ.

Но не забывайте, что съ вами бесѣдуетъ Вандервельдэ и потому не удивляйтесь, если за осторожностью, свидѣтельствующей о проницательности, послѣдуетъ столь же осторожное... затушевываніе острыхъ угловъ, смягченіе противорѣчій.

Чтожъ? обращается онъ къ русскимъ товарищамъ — неужели въ вашихъ интересахъ видѣть, какъ „свободные народы Западной Европы будутъ побѣждены тройственнымъ союзомъ Вильгельма II, Франца-Іосифа и Магомета V?“

Дипломатическій ходъ сдѣланъ. „Трагическія“ перспективы обнажены до конца. Вопросъ поставленъ прямо, ребромъ.

Патріотическая часть души русскихъ товарищей дрогнула.

И всѣ хоромъ отвѣчаютъ: о, нѣтъ, конечно! въ нашихъ интересахъ совсѣмъ иная оріентація!

Казалось бы довсльно: цѣль достигнута. Но тонкій діалектикъ, привыкшій мыслить по формулѣ „ни да, ни нѣтъ“, снова дѣлаетъ осторожный вольтъ влѣво и восклицаетъ:

„О, я знаю, тѣмъ что живутъ по ту сторону Вислы, отвѣтъ на эти вопросы можетъ представляться менѣе яснымъ, чѣмъ намъ. Я хорошо вижу трудности ихъ положенія. Я понимаю ихъ смущеніе“...

Какъ, однако, тяжело все видѣть и всѣхъ понимать! И какъ неудобно! Да же тогда, когда мысль твоя пріучена плести тончайшія брюссельскія кружева. Невольно сорвешься и, чтобы свести концы съ концами, придешь къ какому-нибудь, правда, рѣшительному, ультимативному, но трафаретному выводу.

Такъ именно и сдѣлалъ Э. Вандервельдэ — послѣ всѣхъ оговорокъ и осторожныхъ резервовъ, послѣ всѣхъ этихъ „о, я

знаю, я охотно признаю, я хорошо вижу, я понимаю, я остерегусь".

„Fas est ab hoste doceri — такъ закруглилъ онъ циклъ своихъ зигзагообразныхъ силлогизмовъ. Если наши худшіе враги въ одномъ лагерѣ, то мы были бы слѣпцами, не видя, что въ нашихъ интересахъ быть въ другомъ лагерѣ".

Мы, „маленькая секта", имѣемъ, что возразить на эту заключительную тираду Вандервельдэ. И не разъ возражали.

Мы могли бы спросить, о какихъ это „нашихъ" — надо полагать, соціалистическихъ? — интересахъ онъ говоритъ?

Почему онъ такъ упорно игнорируетъ третій, соціалистическій, „лагерь"? И почему онъ, все видящій и все понимающій, забываетъ о нашихъ „худшихъ врагахъ" въ томъ лагерѣ, къ которому съ такимъ легкимъ сердцемъ насъ пріобщаетъ?

Все это и многое другое могли мы спросить, конечно, *мы*.

Ну а что думаютъ по данному поводу сами юбиляры?

Не, вздрогнула ли, подъ вліяніемъ безчисленныхъ оговорокъ Вандервельдэ, соціалистическая часть ихъ раздвоенной души?

Не испорченъ ли праздникъ ихъ неосторожной осторожностью соціалиста дипломата?...

III Благочестивыя легенды.

Ихъ цѣлыхъ три — этихъ, деликатно выражаясь, благочестивыхъ легендъ. И всѣ онѣ скрѣпляютъ нашихъ соціалъ-патріотовъ прочными узами священной для нихъ теоріи и практики.

Одна изъ легендъ гласитъ:

Міръ, волею историческихъ судебъ, раскололся сейчасъ на *два* „лагеря": въ одномъ — все ясноликіе прозелиты Ормузда, въ другомъ — нечестивые поклонники Аримана. Кто не стоитъ за побѣду перваго, тотъ, несомнѣнно, за пораженіе его и за побѣду второго, тотъ — „пораженецъ" или еще образнѣе: „ пораженческій шакалъ".

Простая, ясная и, главное, въ высокой степени вразумительная легенда!

Другая легенда кратко и стильно формулирована въ слѣдующихъ словахъ Н. Авксентьева:

„Мы далеки отъ горделивой мысли, что демократія Россіи пошла *за нами*. Но мы счастливы радостно увѣренностью, что она оказалась *съ нами*".

Конечно для благочестиваго сказанія такія выраженія, какъ „демократія Россіи"" вполнѣ подходящи: въ дѣлѣ миѳотворчества, какъ извѣстно, абстрактныя понятія, всевозможныя „фигуры" и аллегоріи играютъ первостепенную роль. Но, думается мнѣ, соціалпатріоты несклонны ограничиваться ролью миѳотворцевъ. Они прежде всего — „реальные политики". И, въ качествѣ таковыхъ, должны считаться съ реальными силами.

Они — соціалисты, къ тому же революціоннаго толка — не правда ли? Для нихъ, важнѣе всего позиція не демократіи вообще, а демократіи *соціалистической* и *соціалъ-революціонной* въ особенности — не такъ ли?

А что доподлинно знаемъ мы о настроеніяхъ *этой* демократіи? И не слишкомъ ли поспѣшно судить о ней на основаніи резолюцій „рабочей группы центр. военно-промышл. комитета" или на основаніи заявленій завѣдомо патріотическаго *Ежемѣсячнаго журнала* о томъ, что „Воззваніе" объединныхъ соціалъ-патріотовъ на кого-то „произвело глубокое впечатлѣніе"? Такой субъективизмъ и такая поспѣшность какъ будто „реальнымъ политикамъ" совсѣмъ не къ лицу.

Демократія Россіи... Всѣ живыя силы страны... это, конечно, звучитъ тріумфально, но въ тоже время согласитесь, сбивается нѣсколько и на анекдотъ о сорока тысячахъ курьеровъ.

Надо учесть *фактическую* наличность своихъ соціалистическихъ и партійныхъ единомышленниковъ, надо указать хоть какую-нибудь эсъ-эровскую группу, которая, какъ цѣлое, какъ организація, стоитъ на патріотической позиціи — и тогда уже рѣшать, *пошли* ли они „за вами" или просто *оказались* „съ вами". А до этого всѣ *утвержденія* по данному вопросу мы считаемъ себя въ правѣ разсматривать, какъ благочестивыя легенды, рожденныя и поддерживаемыя условіями „военнаго положенія", — легенды, объективная цѣнность которыхъ не превышаетъ цѣнности того „здороваго стихійнаго чувства", къ свидѣтельству котораго апелируетъ „реальный" политикъ, Б. Вороновъ.

Вотъ, наконецъ, и третья изъ „творимыхъ" соціалъ-патріотами легендъ.

Они — всѣ это знаютъ! — призываютъ „къ внутреннему освобожденію страны черезъ побѣду и къ побѣдѣ путемъ борьбы за внутреннее освобожденіе".

Пока что, не видно ни побѣды, ни освобожденія. Нѣтъ побѣды потому, что нѣтъ... — освобожденія; и нѣтъ освобожденія потому, что нѣтъ побѣды. Змѣя кусаетъ свой собственный хвостъ, заколдованный кругъ прочно замыкается, и нѣтъ способовъ вырваться изъ него. Это, впрочемъ, такъ трагически-нескладно выходитъ у Б. Воронова. У Н. Авксентьева оно гораздо тоньше, ибо согласовано съ философіей органическаго внѣдренія элементовъ свѣта въ царство тьмы.

„Путь, ведущій къ побѣдѣ, — пишетъ онъ — является и путемъ, ведущимъ къ свободѣ...

„Въ процессѣ самообороны отъ иностраннаго нашествія достигается освобожденіе Россіи отъ внутренняго врага".

Этотъ „процессъ" идетъ уже давно: со времени возникновенія военно-промышленныхъ комитетовъ, организаціи союза земствъ и городовъ, появленія благопріятныхъ „Призыву" резолюцій и... и „реквизиціи скота"; на этомъ „пути" „всѣ живыя силы страны" стоятъ вотъ уже, кажется, два года; а освобожденія все нѣтъ и нѣтъ...

Конецъ статьи, посвященный оцѣнкѣ „соціалпатріотическаго творчества" зачеркнутъ цензурой.

В. Дикій.

ФРИДРИХЪ АДЛЕРЪ

1. Въ хаосѣ недоумѣній.

Выстрѣлъ Фридриха Адлера... Боже, какое недоумѣніе вызвалъ онъ въ рядахъ политическихъ межеумковъ всѣхъ родовъ и видовъ!

Одни съ наивностью институтокъ спрашивали, да что же такое особенное представлялъ собою баронъ Штургкъ для того, чтобы въ разгарѣ войны вызвать противъ себя террористическій актъ?

Другіе, чтобы не оставаться при однихъ недоумѣніяхъ, строили глубокомысленныя догадки, ужъ не сводилъ ли молодой Адлеръ съ покойнымъ какихъ нибудь личныхъ счетовъ, и не столкнулись ли они какъ нибудь трагически въ интимной жизни. Третьи еще болѣе глубокомысленно сочиняли новыя главы къ ненаписанному роману о „тайнахъ Вѣнскаго двора“ и готовы были видѣть въ Адлерѣ все, что угодно, вплоть до слѣпого орудія германской или венгерской интриги, для которой Штургкъ былъ слишкомъ упрямымъ защитникомъ самостоятельности австрійской политики. Четвертые просто на просто строили легкія и удобныя гипотезы о психической ненормальности „преступника“...

Не нужно непремѣнно усматривать злонамѣренность въ этихъ досужихъ вымыслахъ и выкрикахъ встревоженнаго газетнаго воронья, своимъ звонкимъ и шумнымъ карканьемъ оглашающаго по обѣ линіи огня необъятныя пространства окровавленной Европы. О нѣтъ, большинство газетныхъ „руководителей общественнаго мнѣнія“ совершенно искренно не могутъ понять происшедшаго. И удивительно ли, что не могутъ? Удивительно ли, что сердце такого человѣка, какъ Фридрихъ Адлеръ, остается для нихъ книгою за семью печатями?

Какъ? Быть не „кѣмъ-нибудь“, не простымъ смертнымъ, а виднымъ дѣятелемъ партіи, сыномъ вождя австрійской соціальдемократіи, одного изъ свѣтилъ Второго Интернаціонала; быть приверженцемъ марксизма, ультра-объективнаго, уравновѣшеннаго, все научно предвидящаго и все растворяющаго въ безличной массовой революціи марксизма; пользоваться извѣстностью въ качествѣ писателя и теоретика, и значитъ быть не человѣкомъ чувства, а человѣкомъ мысли; быть, наконецъ, не какимъ нибудь declassé, а человѣкомъ съ общественнымъ положеніемъ, счастливымъ мужемъ и отцомъ — и вдругъ пойти стрѣлять въ министра, да еще въ довольно заурядваго реакціоннаго министра! Да развѣ это съ чѣмъ нибудь сообразно? Развѣ они могутъ переварить все это въ своемъ сознаніи? Понятно, что абсолютно не могутъ. И благо имъ, что не могутъ!

Баронъ Штургкъ, въ самомъ дѣлѣ, не представлялъ собою ничего особенно изъ ряду вонъ выходящаго. Не былъ онъ ни реакціоннымъ сверхъ-злодѣемъ, ни властнымъ полудержавнымъ временщикомъ-диктаторомъ, ни вообще такою крупною, исключительною величиною, которая въ поворотные моменты исторіи страны дерзаетъ мощнымъ и увѣреннымъ жестомъ дать сильный оборотъ — впередъ или назадъ — колесу исторіи.

О, нѣтъ! Такихъ, какъ баронъ Штургкъ — цѣлая школа. Ограниченные и вѣрные слуги австрійской государственности, они суть не „личности“, не „индивидуальности“. Они — не болѣе, какъ олицетворенныя категоріи, какъ послушные носители опредѣленныхъ выработанныхъ государственныхъ завѣтовъ и столь же выработанныхъ, испытанныхъ пріемовъ управленія.

Баронъ Штургкъ, до войны, былъ однимъ изъ самыхъ настойчивыхъ и энергичныхъ дѣятелей милитаризма, однимъ изъ духовныхъ отцовъ новаго военнаго закона, подготовлявшаго Австрію къ надвигавшимся міровымъ бурямъ. Но вѣдь вмѣсто него для этой роли можно было подставить любого другого изъ нѣсколькихъ десятковъ „готовыхъ къ услугамъ“ воздыхателей по министерскимъ портфелямъ. Баронъ Штургкъ былъ, во время войны, самымъ типичнымъ представителемъ бюрократическаго режима, сдѣлавшаго изъ Австріи *единственную* страну, въ которой на все время войны народное представительство было совершенно вычеркнуто изъ списка дѣйствующихъ государственныхъ установленій. Но при разнопленности Австріи, при ея слишкомъ инціативной роли въ непосредственномъ зарожденіи современнаго конфликта и при обнаруженныхъ войной дефектахъ всего ея военно- административнаго механизма всякій другой преданный слуга австрійской государственности, подобно Штургку, счелъ бы созывъ рейхстага слишкомъ рискованнымъ экспериментомъ и старался бы отложить его елико возможно дольше. Баронъ Штургкъ, не задумываясь, приложилъ свою руку къ разстрѣлу цѣлаго ряда чешскихъ, югославянскихъ и т. п. революціонеровъ; но развѣ эти мѣры были его личною прихотью, развѣ онѣ не имѣли бы мѣста и безъ него, и развѣ онѣ не повторятся послѣ него?

Все это такъ. Но что же изъ всего этого слѣдуетъ? Да только то, что Адлеръ стрѣлялъ не въ Штургка, какъ Штургка; что въ его лицѣ онъ поднималъ руку не на случайную, преходящую личность, а производилъ вооруженную демонстрацію противъ цѣлой государственной системы.

Австрійская государственная власть (да и только ли австрійская?) присвоила себѣ право, не считаясь ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ, авторитарно, диктаторски управлять страной во имя ея „избавленія отъ національной опасности“. Подъ флагомъ спасенія государства, она навязала всей странѣ систему временной ликвидаціи всѣхъ политическихъ и національныхъ разногласій, временнаго священнаго союза всѣхъ партій. По дряблости, по политической безхарактерности всѣ эти партіи, вплоть до соціалистической, приняли это положеніе, и однѣ съ восторгомъ, другія скрѣпя сердце, поплелись туда, куда ихъ повела власть. Горькая правда военно-бюрократической диктатуры была задрапирована лицемѣрною ложью всеобщаго гражданскаго мира и національнаго единенія.

Выстрѣлъ Фридриха Адлера прогремѣлъ, какъ громовой ударъ, надъ головами творцовъ этой лжи, какъ самый сильный ударъ, который только можетъ быть нанесенъ заботливо охраняемой ими оффиціальной условности всенароднаго единодушія.

Адлеръ чувствовалъ, что сносить безъ протеста позорное иго военной диктатуры, учрежденной однимъ изъ наиболѣе отвѣтственныхъ виновниковъ витающаго надъ Европой кроваго кошмара, значитъ быть соучастникомъ и попустителемъ этого преступленія противъ человѣчества, этого ужаса, этого позора. Онъ чувствовалъ, что словеснаго протеста недостаточно въ странѣ, гдѣ, къ тому же, подъ прикрытіемъ военной необходимости, пріостановлено дѣйствіе всѣхъ конституціонныхъ гарантій, отмѣнены всѣ права личности, уничтожена, свобода слова. печать можетъ говорить только угодное цензурѣ, парламентская трибуна пустуетъ въ печальномъ вдовствѣ, и политическіе дебаты перенесены на сессіи военныхъ судовъ. Онъ понималъ, что протестъ, который не хочетъ быть лишь „мѣдью звенящей и кимваломъ бряцающимъ“, — долженъ быть такимъ же рѣшительнымъ, дѣйственнымъ и безпощаднымъ, какъ рѣшительно и безпощадно подавленіе въ странѣ всего, что сохранило хотя бы искру самостоятельности. Онъ чувствовалъ, что этотъ первый, индивидуальный протестъ долженъ быть *прообразомъ* того гряду-

даго массоваго протеста, къ необходимости котораго онъ называетъ: протеста съ оружіемъ въ рукахъ противъ тѣхъ, кто силой и хитростью вложилъ оружіе въ руки народовъ цѣлой Европы, натравленныхъ другъ на друга.

Фридрихъ Адлеръ чувствовалъ, что именно на этотъ разъ застрѣльщикомъ въ дѣлѣ такого протеста долженъ быть не первый встрѣчный, не любой неизвѣстный человѣкъ изъ толпы. Онъ чувствовалъ, что съ самаго начала должна быть устранена всякая возможность истолковать этотъ актъ, какъ импульсивный взрывъ негодованія какой-то быть можетъ неуравновѣшенной, не разсуждающей личности. Онъ чувствовалъ, что дать примѣръ выступленія съ оружіемъ въ рукахъ долженъ человѣкъ мысли, человѣкъ высоко-развитого интеллекта. Онъ понялъ, что даже съ перваго взгляда этотъ политическій актъ долженъ быть ясенъ: протестъ человѣческаго *разума* противъ торжествующей кровавой стихіи войны, протестъ соціалистической *совѣсти* противъ зоологіи національнаго человѣконенавистничества.

Протестъ и дѣйственное возрожденіе *разума*. Для него, соціальдемократа школы Маркса, — это было вмѣстѣ съ тѣмъ протестомъ и возрожденіемъ просвѣтленнаго научно-соціалистическаго разума.

Чаще, чѣмъ какая либо другая политическая теорія, марксизмъ когда то возставалъ противъ того, что носитъ имя „политическихъ покушеній“ или „террористическихъ актовъ“. Чаще, чѣмъ какая либо другая теорія, марксизмъ возставалъ противъ чисто-индивидуальныхъ выступленій, требуя отъ отдѣльной личности, чтобы она не выходила впередъ изъ рядовъ, чтобы она затерывалась и тонула въ массѣ, въ толпѣ, шла все время „въ ногу“ съ нею, оставалась плечемъ къ плечу съ нею. Ни впереди, ни сзади. Какъ разъ вмѣстѣ!

Но война создала исключительную обстановку, въ которой все было направлено на поддержаніе овладѣвшаго массами въ первый моментъ военнаго гипноза. Было недостаточно подкапываться подъ него медленно и упорно, муравьиной кружковой работой, лишенной средствъ широкаго публичнаго воздѣйствія. Была психологическая потребность въ крупныхъ, приковывающихъ общественное вниманіе актахъ, способныхъ всколыхнуть стоячее болото политическаго затишья, ребромъ поставить всѣ вопросы, обострить скрытые, загнанные внутрь конфликты. Была потребность въ могучей заразительной силѣ дѣйственнаго примѣра, взламывающаго ледъ, преодолѣвающаго инерцію привычной пассивности. И въ этой атмосферѣ слишкомъ затянувшагося предгрозового затишья особенное значеніе и смыслъ пріобрѣлъ тотъ фактъ, что къ этой силѣ дѣйственнаго примѣра апеллировалъ никто иной, какъ человѣкъ, прошедшій школу марксистскаго объективизма и анти-индивидуализма. Морально-высокій, эстетически прекрасный и политически освободительный жестъ Фридриха Адлера былъ глубоко символистиченъ. Въ его лицѣ марксизмъ какъ бы возвращался отъ эпохи легалистской „умѣренности и аккуратности“ къ революціонному энтузіазму, къ смѣлому размаху періодовъ „бури и натиска“, раскрѣпощая личную революціонную инціативу и отдавая должное индивидуальному героизму, какъ предтечѣ и воспламенителю героизма массаваго.

Фридрихъ Адлеръ понялъ и то, что *первый* протестъ этого рода — протестъ рѣзкій, открыто революціонный долженъ имѣть мѣсто въ той самой странѣ, которая *первая* поставила вверхъ ногами всю Европу первымъ открытымъ военнымъ кличемъ.

Фридрихъ Адлеръ, наконецъ, понялъ, что именно онъ отмѣченъ перстомъ судьбы, какъ искупительная жертва.

Мало того, что Австрія *первая* бросила перчатку, объявивъ войну Сербіи; австрійская соціальдемократія *первая* явила міру примѣръ политическаго банкротства соціализма, свернувъ свое знамя и рабски пройдя подъ военныя знамена своего отечественнаго милитаризма.

И лидеръ австрійской соціальдемократіи, Викторъ Адлеръ, освятилъ это паденіе, это политическое банкротство. Онъ, на Штутгартскомъ конгрессѣ обѣщавшій, что австрійскій пролетаріатъ въ случаѣ войны съумѣетъ исполнить до конца свой долгъ, диктуемый принципами международности... онъ нашелъ въ себѣ силы оправдывать выполненіе пролетаріатомъ его „гражданскаго долга“ — диктуемаго австрійскимъ государственнымъ положеніемъ о воинской повинности!

Отцы — и дѣти... Ошибки отцовъ, тяжкимъ камнемъ лежащіе на чуткой совѣсти дѣтей... Рѣшимость дѣтей не отступить ни передъ какой цѣной, чтобы искупить грѣхи отцовъ... Фридрихъ Адлеръ, какъ искупительная жертва за политическое банкротство Виктора Адлера!

И Фридрихъ Адлеръ бросилъ свою жизнь, какъ бомбу, въ громоздкое, тяжкое политическое сооруженіе военной диктатуры, гражданскаго мира, всенароднаго единенія для успѣшнаго мірового кровопролитія.

Все въ этомъ актѣ — глубоко, все по шекспировски трагично.

II „Отцы и дѣти.“

Вторая глава статья т. Б. Оленина „Отцы и дѣти“, анализирующая отрицательный отзывъ Каутскаго о Ф. Адлерѣ, запрещена цензурой.

Б. Оленинъ.

Балканы и война

Балканамъ принадлежитъ печальная роль въ исторіи возникновенія великой европейской войны. Фактически они являются очагомъ мірового пожара и потому для пониманія причинъ и ближайшихъ его поводовъ неизбѣжно приходится остановить свое вниманіе на балканскихъ государствахъ. Балканы давно уже служили ареной борьбы для внѣшней политики великихъ державъ, въ особенности двоихъ изъ нихъ — Россіи и Австріи.

Вѣдь на Балканахъ, въ Константинополѣ, находится ключъ для свободнаго выхода на югъ изъ Чернаго моря въ Средиземное, давнишняя мечта россійскихъ имперіалистовъ всѣхъ оттѣнковъ. И въ тоже время Балканы служатъ путемъ для пресловутого Drang nach Osten, мечты всѣхъ имперіалистовъ Австріи и за послѣднее время Германіи. Два эти стремленія — свободный выходъ изъ Чернаго Моря и путь для захвата, по крайней мѣрѣ экономическаго, оттоманской имперіи — постоянно сталкивались на протяженіи вотъ уже полутораста лѣтъ. Когда то прежде не разъ австрійская дипломатія предлагала соглашеніе — Россіи Константинополь, а Салоники Австріи. Но это соглашеніе было непріемлемо для панславистски настроенныхъ сферъ Петрограда: освобожденіе славянъ, собираніе Руси („гдѣ же вы сыны Волыни, Галичъ, гдѣ твои сыны"! патетически восклицалъ еще въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія извѣстный славянофилъ Хомяковъ) всегда мѣшали пойти на окончательное соглашеніе съ „Лоскутной имперіей", наслѣдство которой въ видѣ Восточнои Галиціи и Угорской Руси представляло и представляетъ для націоналистовъ и церковниковъ Россіи кусокъ не менѣе лакомый, чѣмъ, пожалуй, самъ Константинополь.

Отсутствіе этого соглашенія, противоположныя стремленія Россіи и Австріи въ вопросахъ ближняго Востока и яростное соперничество балканскихъ государствъ — вотъ ближайшія причины великаго европейскаго побоища.

Соперничество балканскихъ государствъ имѣетъ глубокіе историческіе корни и основой ему является національный антагонизмъ. Какъ ни странно, но 500—лѣтнее господство турокъ не уничтожило, не сгладило той вражды, которая толкала на взаимную борьбу отдѣльные балканскіе народы и въ 1913 году Константинъ греческій торжественно приниметъ титулъ „болгарохтона-болгаробойца", какъ принялъ его въ самомъ началѣ XI столѣтія византійскій императоръ Василій II Македонянинъ. Правда, эта національная вражда не исключаетъ всевозможныхъ комбинацій и соглашеній, и допускаетъ соединеніе „наслѣдственныхъ враговъ" болгаръ и грековъ противъ „наслѣдственнаго врага" — турокъ съ тѣмъ, чтобы на другой же день турки и болгары возстали противъ „защитника угнетенныхъ Турціей славянъ" Россіи, освободившей и возстановившей лишь вчера болгарское государство; — но, тѣмъ не менѣе, національный антагонизмъ на Балканахъ является неоспоримымъ фактомъ и факторомъ, быть можетъ, самымъ значительнымъ въ политикѣ балканскихъ государствъ.

Наряду съ національнымъ антагонизмомъ однимъ изъ важнѣйшихъ двигателей политики балканскихъ государствъ является также стремленіе къ великодержавности: Великая Болгарія, Великая Сербія, Великая Греція, Великая Румынія — вотъ мечта, если и не глубокихъ народныхъ массъ, то во всякомъ случаѣ правящихъ классовъ и значительной части мѣстной интелигенціи, основывающихъ свои притязанія обыкновенно либо на объединеніи своей національности, либо на шаткихъ историческихъ правахъ и прецедентахъ.

Любопытно въ данномъ случаѣ отмѣтить, что каждая изъ претендующихъ на полное освобожденіе и объединеніе родной національности ни на минуту не задумается посягнуть на права любой сосѣдней національности; такъ, напримѣръ, болгары, кричавшіе объ угнетеніи македонскихъ братьевъ, изъявили весьма недвусмысленныя претензіи на турецкую Оракію, гдѣ собственно болгарское населеніе совершенно отсутствуетъ, а въ данный моментъ претендуютъ на такіе чистосебрскіе города и области, какъ Нишъ, Лесковецъ и, пожалуй, Скопліе (Ускюбъ)! Съ своей стороны Сербія, послѣ побѣдоносной кампаніи 1913 г., захватила такія болгарскія области и пункты какъ Когана, Стипліе (Иштибъ) и Битолія (Монастырь), и присоединила добрый кусочекъ сѣверной Албаніи, весьма враждебно относящейся къ сербамъ. Въ свою очередь Греція захватила часть Македоніи, населенной болгарами, Румынія — болгарскую Добруджу, гдѣ собственно румынское населеніе отсутствуемъ вполнѣ. Такія явленія встрѣчаются въ балканской политической жизни на каждомъ шагу и ихъ не перечесть.

Стремленіе національностей къ великодержавности и гегемоніи также носитъ на себѣ печать посягательства на окружающія національности и все основаніе этого стремленія покоится лишь на правахъ историческихъ захватовъ, бывшихъ много вѣковъ тому назадъ. Таковой является мечта о Великой Греціи съ Константинополемъ во главѣ, Великой Болгаріи въ предѣлахъ царства Симеона (X вѣка) и династіи Асѣней (XII и XIII столѣтія), Великой Сербіи въ размѣрахъ имперіи Стефана Душана (XIV вѣкъ) и т. д., и т. д.

На послѣднюю роль въ балканской политикѣ играютъ и чисто династическіе интересы. Балканскіе народы въ продолженіи многихъ вѣковъ были лишены національной независимости стонали подъ чужеземнымъ игомъ, и это господство привело къ привычкѣ подчиняться, къ рабству; а потому фактическій захватъ политической власти, почти всегда влечетъ неизбѣжно къ политикѣ, желаемой захватившему ее. — Перемѣна династій на Балканахъ вызываетъ и коренную перемѣну внѣшней политики.

Такъ напримѣръ съ паденіемъ Обреновичей Сербія, изъ агента австрійской политики стала, если и не агентомъ, то во всякомъ случаѣ оплотомъ политики русской. Въ 1885 г. Сербія Михаила Обреновича по наущенію Австріи аттаковала Болгарію, которую тогда поддерживала Россія.

30 лѣтъ спустя роли перемѣнились: по тому же наущенію Болгарія аттаковала Сербію.

— Въ объятія центральныхъ имперіи Балгарію бросили интересы главнымъ образомъ опять таки династическіе: veto, наложенное Россіей на стремленіе Фердинанда Кобурскаго короноваться константинопольсой императорской короной, сдѣлало изъ него непримиримаго врага Россіи и, несмотря на прошлое, на всѣ русскія симпатіи болгаръ, — симпатіи,

правда, немного тянувшіяся

манію своихъ задачъ русскихъ правительства и дипломатіи, — вся почти Болгарія совершила эволюцію въ направленіи, желаемомъ ея повелителю.

Всѣ усилія популярнаго и ловкаго политика Венизелоса разбивались до сихъ поръ о династическія симпатіи Константина.

Такимъ образомъ, личный характеръ балканской политики во всѣхъ вопросахъ, исключая чисто національные и націоналистичесіе, имѣетъ первостепенное значеніе, чему не мало способствуетъ почти что полное отсутствіе демократическихъ теченій и навыковъ въ народныхъ массахъ, ихъ вѣковая привычка къ рабскому повиновенію и недостаточность просвѣщенія.

Каковы же могутъ быть для балканскихъ народовъ результаты ихъ взаимнаго соперничества и участія въ европейской войнѣ? Конечно только печальные. Ни одно изъ балканскихъ государствъ, оторванное отъ другихъ, не можетъ разсчитывать на самостоятельное существованіе. Греція, лишенная обширныхъ земледѣльческихъ районовъ и нѣкоторыхъ необходимыхъ для современной торговли и промышленности элементовъ, всегда, предоставленная самой себѣ, будетъ зависить отъ талассократовъ момента (говорить же вообще о возможной талассократіи Греціи конечно смѣшно). Румынія, съ огромной сухопутной границей, безъ союза со своимъ южнымъ сосѣдомъ будетъ всегда безсильна противъ своихъ сосѣдей сѣверо-запада или сѣверо-востока, не говоря уже о томъ, что съ закрытіемъ проливовъ, она изъ за войны съ Болгаріей теряетъ единственный выходъ къ свободному морю. Не въ лучшемъ положеніи находится и Сербія, лишенная вообще выхода къ морю; но даже и получивъ таковой, она, безъ балканскаго союза, будетъ всегда экономически и пожалуй потому и политически зависить отъ хозяина Отрантскаго пролива.

Отсутствіе прочныхъ естественныхъ границъ болгарской національности тоже ставитъ ее всецѣло въ зависимость отъ ея ближайшихъ сосѣдей, когда у нихъ развязаны руки, что было въ 1913 году.

Балканскіе народы не могутъ жить вполнѣ самостоятельной жизью внѣ балканскаго союза и ихъ соперничество всегда приводило и приводитъ къ подчиненію чужому господству. Такъ было 500 лѣтъ тому назадъ, когда соперничество Византіи и Болгаріи привело на Балканы турокъ; такъ сейчасъ имъ грозитъ подчиненіе одному изъ союзныхъ „трестовъ“. И въ результатѣ полуторавѣковой борьбы за національную независимость, моря крови, милліоновъ жертвъ, страданій цѣлыхъ народовъ — взаимное соперничество, ведущее лишь къ перемѣнѣ господина. Безразлично, какая изъ борющихся сторонъ дастъ его: кѣмъ бы онъ ни былъ, всѣ проявленіи независимой балканской жизни, которыя пойдутъ въ разрѣзъ его интересамъ, будутъ имъ безжалостно подавляться.

Балканскій союзъ! Какъ, казалось, близка была эта идея къ осуществленію и какъ далека она отъ него сейчасъ! Своекорыстная политика великихъ державъ, взаимная ненависть, стремленіе къ гегемоніи и, главнымъ образомъ, династическіе интересы — вотъ препятствія, о которыя она разбивалась. Крушеніе этой идеи привело къ кровавой рѣзнѣ.

Воскреснетъ ли она? Во всякомъ случаѣ, если и воскреснетъ, то лишь при условіи исчезновенія тѣхъ преградъ, которыя стояли и стоятъ передъ ней Только сознаніе общности интересовъ трудовыхъ массъ, только могучій ростъ демократическихъ теченій могутъ сокрушить всѣ препятствія къ свободному развитію балканскихъ народовъ, прежде всего стереть съ лица земли всѣ свои мѣстныя династіи, сметя хитроумное созданіе европейской дипломатіи. Тогда идея балканскаго союза, быть можетъ, и воплотится въ жизни.

Саркисъ.

НА РОДИНѢ

Статья т. Андреевой, построенная на фактахъ, взятыхъ изъ русскихъ легальныхъ газетъ, запрещена республиканской цензурой, какъ слишкомъ „пессимистическая“.

Ин. Андреева.

ЕГО НЕКРОЛОГЪ

Императоръ Францъ-Іосифъ кончилъ свою долгую и богатую событіями жизненную карьеру.

Онъ взялъ въ свои руки судьбы Австріи въ эпоху всеевропейской революціонной грозы, въ незабываемую эпоху 1848 года.

И выпускаетъ ихъ изъ своихъ рукъ, вплотную подведя Австрію къ кануну новыхъ великихъ переворотовъ Наступленіе эры этихъ переворотовъ онъ ускорилъ самъ, когда „слабымъ маніемъ руки“, дряхлой старческой руки выпустилъ на волю ужасное чудовище международной войны, давно уже сторожившее свой часъ въ желѣзной клѣткѣ политики оттяжекъ и страха передъ отвѣтственностью европейской дипломатіи.

Какъ далеко въ прошлое уноситъ насъ ретроспективный взглядъ на державную карьеру покойнаго!

Вѣнская революція... Баррикады... Бѣгство короля и двора... Столица во власти населенія... Рабочій и студенческій легіоны, пытающіеся довести революцію до конца... Обезпеченный обыватель, встревоженный и соскучившійся по „твердой власти“ и порядку... Францъ-Іосифъ, поклявшійся быть конституціоннымъ монархомъ. Камарилья и военная партія, начинающая подъ прикрытіемъ этихъ державныхъ клятвъ дѣло контръ-революціоннаго заговора. Система „раздѣляй и властвуй“, вѣроломно примѣняемая разомъ въ двухъ направленіяхъ: путемъ заигрыванія съ либеральной буржуазіей, чтобы отдѣлить ее отъ революціонной молодежи и трудовой демократіи — и путемъ натравливанія другъ на друга многочисленныхъ, населяющихъ Австрію національностей. И наконецъ, тріумфъ реакціоннаго вѣроломства. Маски сброшены. Войска Виндишгреца, бомбардирующія столицу новорожденнаго славянскаго движенія Прагу, и столицу австро-нѣмецкой революціи, Вѣну. Войска Радецкаго, подавляющія итальянское возстаніе. Войска Виндишгреца и банды Еллачича, съ помощью русскихъ солдатиковъ берущія столицу Венгерской революціи Будапештъ. Уничтоженіе конституціи, завоеванной народомъ, и замѣна ея призрачной, дарованной свыше. Тронъ Габсбурговъ, снова высоко вознесенный, какъ тронъ, существующій Божіей милостью, какъ тронъ, окруженный конституціонными декораціями лишь съ соизволенія самого монарха. Тронъ, слѣпленный заново изъ крови и грязи.

Какое зловѣщее начало! И какой зловѣщій конецъ!

Тронъ Франца-Іосифа, возстановленный на развалинахъ революціи при помощи вѣроломства; спасенный отъ собственныхъ венгерскихъ „подданныхъ“ лишь штыками чужеземной арміи и милостью восточнаго собрата по деспотизму; монархія, „удивившая весь міръ своей неблагодарностью“, когда повернулась противъ своего спасителя въ 1853г., и никого не удивившая, когда въ концѣ 70-хъ годовъ примкнула, какъ вѣрный союзникъ, къ недавно разбившему и унизившему ее сопернику изъ-за власти надъ Германіей; монархія, въ рядѣ войнъ битая всѣми, кому не лѣнь: побитая итальянско-французскими войсками 1859 году, побитая и выброшенная изъ Германіи прусскими войсками въ 1866 году, побитая съ самаго начала этой войны русскими войсками въ Галиціи и спасенная лишь военной опекой сильнаго германскаго сосѣда. И какое вмѣстилище противорѣчій! Монархія, начавшая съ превращенія Австро-Венгріи въ „тюрьму народовъ“ и перешедшая постепенно къ примирительной политикѣ, къ систематическому развязыванію ихъ узъ, къ системѣ дуализма, къ проэктамъ превращенія этого дуализма въ тріализмъ; глава государства, деоютировавшій съ заговора противъ конституціи и перешедшій къ либеральнымъ вѣяніямъ, къ роли корректнаго и лойальнаго конституціоннаго государя: глава государства, выступившій въ качествѣ убѣжденнаго сторонника мира и явившійся первымъ по величинѣ отвѣтственности инціаторомъ самой страшной изъ когда либо раздиравшихъ человѣчество войнъ. Какая пестрая, какая изумительная картина!

Гдѣ примиреніе всѣхъ этихъ противорѣчій?

Это примиреніе просто. Францъ-Іосифъ былъ ничѣмъ инымъ какъ послушной безличностью, игравшей то зловѣщую, то идиллическую, то патріархальную, то либеральную, то деспотическую роль одинаково добросовѣстно и трудолюбиво, смотря по тому, чего требовали въ данный моментъ интересы неуклюжаго, громоздкаго Левіафана австрійской государственности и политическія тенденціи тѣхъ общественныхъ элементовъ, на плечи которыхъ исторія возлагала его поддержаніе. Вотъ почему онъ, по природѣ не жестокій и не злобный, не двинулъ пальцемъ, чтобы хоть немного смягчить своимъ монаршимъ правомъ помилованія самыя дикія репрессіи и самые возмутительные приговоры судилищъ контръ революціонной эпохи. Вотъ почему, издавна лично нерасположенный къ Пруссіи и, наоборотъ, довольно дружественно-настроенный къ Россіи, онъ однако далъ всей внѣшней политикѣ Австріи, въ концѣ концовъ, діаметрально противоположное этимъ лич-

нымъ чувствамъ направленіе. Вотъ почему онъ ухитрился, послѣ всего своего прошлаго, одно время снискать популярность среди широкихъ слоевъ венгерскаго, чешскаго, югославянскаго общества и возбудить нерасположеніе, граничащее съ антицинастическими тенденціями, среди непримиримыхъ, австрійскихъ „все-нѣмцевъ“. Вотъ почему, наконецъ, какъ разъ этотъ самый „кроткій старецъ“ такъ успѣшно посодѣйствовалъ всѣмъ, кому не терпѣлось поскорѣе залить кровью всю Европу!

Вотъ про кого, по истинѣ, можно было сказать: это не человѣкъ, это просто *мѵропомазанный штемпель* съ надписью „быть по сему!“

———

Въ судьбѣ Франца-Іосифа заложено что-то роковое. Бульварная пресса распространится, конечно, очень много и очень охотно о томъ, какъ много его близкихъ погибло не своею смертью. Таинственная гибель единственнаго сына Рудольфа, гибель отъ руки анархиста жены его Елизаветы, гибель отъ руки сербскаго революціонера наслѣдной четы въ Сараевѣ, и наконецъ, въ самомъ концѣ жизни, наканунѣ самой смерти, гибель отъ руки соціальдемократа ближайшаго помощника монарха, перваго министра Штургка...

Но болѣе глубокаго рокового элемента нужно искать въ другомъ.

„Францъ-Іосифъ отличается большимъ трудолюбіемъ, терпѣніемъ и умѣніемъ переносить горе и заботы... Даже при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ Францу-Іосифу, благодаря его огромному такту, удается поддерживать свой личный авторитетъ и уваженіе къ своему имени“. Этими словами характеризуютъ его личность, во враждебномъ ему лагерѣ, авторы *русской* энциклопедіи Брокгауза и Ефрона. И такая то личность, которой, казалось бы, на роду написано быть мирнымъ, всѣми уважаемымъ бургомистромъ въ какомъ нибудь достаточно тихомъ и затхломъ провинціальнымъ городкѣ, счастливымъ отцомъ семейства, бережливымъ, но гостепріимнымъ и тактичнымъ хозяиномъ, декоративнымъ президентомъ мѣстааго клуба, испытаннымъ игрокомъ въ шашки и въ трикъ тракъ, словомъ — идеаломъ обывательской морали и провинціальной общежительности — этой то личности пришлось вплести неразрывно свое имя съ текстомъ самыхъ бурныхъ, измѣнчивыхъ, фатальныхъ страницъ жизни своего государства и всей Европы...

Ничего рокового, ничего зловѣщаго въ самой личности Франца-Іосифа не откроетъ самый сильный микроскопъ. Его трагедія, его рокъ — не личные. Это — зловѣщій рокъ того *династическаго начала*, вѣрнымъ носителемъ котораго онъ былъ.

Династическое начало — какъ магнитъ, притягивающій къ себѣ всѣ наиболѣе чужеядные, эксплуататорскіе, властные и авантюристскіе элементы общественности. Оно обрастаетъ ими непроизвольно и неизбѣжно, какъ гнилой пень древесными грибами, какъ днище корабля молюсками.

Австрійской государственности, надъ которой висѣлъ дамокловъ мечъ полной разрухи, уничтоженія и распада, пришлось, во имя повелительнаго инстинкта самосохраненія, дѣлать уступку за уступкой *побѣжденнымъ* національностямъ, *побѣжденному* либерализму и конституціонализму, *усмиреннымъ* инсургентамъ, *разбитому* въ первыхъ же робкихъ выступленіяхъ пролетаріату. Какъ за спасительный якорь, пришлось хвататься ей за конституціонныя формы, за соціальное законодательство, за примирительно-либеральную политику по отношенію къ національнымъ меньшинствамъ. И все же болѣе чѣмъ гдѣ либо, въ Австріи „мѵропомазанный штемпель“ въ критическую минуту оказался въ рукахъ авантюристовъ імперіалистской плутократіи и военно-дворянской партіи. Легче, чѣмъ гдѣ либо, — безъ спроса населенія, безъ консультаціи съ рейхсратомъ, безъ его созыва за все время войны — монаршее „быть по сему“ утвердило и утверждаетъ всѣ аггрессивные планы, продиктованные хищническими аппетитами австрійскихъ шовинистовъ.

Францъ-Іосифъ былъ игрушкой этой зловѣщей исторической роли монархическаго начала, носителемъ котораго онъ былъ. И дряхлѣющій почтенный старичекъ сталъ для своей страны и для всей Европы *зловѣщимъ старцемъ*.

Самая хищническая, самая авантюристская, самая могучая и властная сила буржуазной современности — имперіализмъ финансово-промышленнаго капитала — наполнила новымъ содержаніемъ успѣвшую выцвѣсти форму стараго „вотчиннаго государства“, придала новой энергіи заключенному въ ней принципу государственнаго авторитаризма, и дряхлой рукѣ Франца-Іосифа сообщила достаточную мощь, чтобы потрясти самые устои бытія Европы.

Францъ-Іосифъ. дебютировалъ при развязкѣ кризиса *стараго* монархизма. Онъ не дожилъ до развязки кризиса монархизма *новаго*, модернизированнаго, Старый монархизмъ, шатаясь и падая, держался и увлекалъ за собой родовую, дворянскую олигархію. Новый монархизмъ также цѣпко держится — и такъ же рискуетъ увлечь за собой — олигархію промышленно-финансовую.

И вотъ почему смерть Франца-Іосифа открываетъ не только для ретроспективнаго взгляда, но и для взгляда, теряющагося въ туманѣ грядущаго, еще неясныя, но грандіозныя переспективы...

Онъ умеръ. Но когда пробьетъ часъ смерти историческаго начала, носителемъ котораго онъ являлся?

„Да будетъ ему легка земля“ — говорятъ на могилахъ мертвецовъ. Мы-же лицомъ къ лицу съ этимъ будущимъ мертвецомъ, этимъ „живымъ трупомъ“ исторіи, все отравляющимъ своимъ трупнымъ ядомъ, мы скажемъ: да будетъ отъ него легка земля!

Ю. Гарденинъ.

АВТОНОМІЯ ПОЛЬШИ

—:—

Автономія Царству Польскому дана центральными имперіями, въ особенности Германіей, конечно не изъ симпатіи къ полякамъ: центральнымъ имперіямъ прежде всего нуженъ людской резервъ, такъ какъ свой собственный достаточно истощенъ. Затѣмъ имъ необходимо разрушить легенду „освободительной войны“ союзниковъ и привлечь къ себѣ, сильно охладѣвшія послѣ разгрома Бельгіи и Сербіи, симпатіи нейтральныхъ державъ, равно какъ и симпатіи широкихъ круговъ своихъ собственныхъ подданныхъ. Смогутъ-ли онѣ достичь этихъ цѣлей — покажетъ будущее, но и сейчасъ уже можно сказать, что самый актъ 5-го ноября носитъ на себѣ печать ясно выраженной провокаціи; такъ напримѣръ онъ говоритъ о неопредѣленности границъ будущей Польши; но болѣе чѣмъ сомнительно, что онѣ могутъ быть измѣнены на югъ, западъ, сѣверъ въ пользу поляковъ; остается, стало-быть, лишь граница восточная. Здѣсь дѣло обстоитъ иначе и именно этимъ самымъ указаніемъ на „неопредѣленность“ границъ правительства центральныхъ имперій какъ бы открываютъ дверь съ этой стороны всѣмъ имперіалистическимъ вожделѣніямъ извѣстной части польскаго общества. Шагъ ловко расчитанный и имѣющій не мало шансовъ на успѣхъ. Да и вообще переходъ иниціативы въ рѣшеніи польскаго вопроса къ центральнымъ имперіямъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ ихъ крупный политическій успѣхъ.

Какимъ образомъ произошелъ этотъ переходъ и какъ допустили его союзники? Здѣсь прежде всего приходится говорить о манифестѣ Николай Николаевича. Манифестъ этотъ съ самаго начала до конца остался актомъ чисто платоническимъ — никакихъ реализацій и, посуливъ полякамъ чуть ни золотыя горы, русская бюрократія до самаго послѣдняго момента своего хозяйничества вела себя въ Царствѣ Польскомъ такъ, какъ она привыкла себя вести. Понятно, что такое поведеніе могло только расхолодить и безъ того не горячія симпатіи поляковъ къ Россіи, пробудить въ нихъ недовѣріе ко всѣмъ обѣщаніямъ послѣдней и создать почву благопріятную для центральныхъ имперій. Послѣ оккупаціи послѣдними Царства Польскаго, русское правительство также не предприняло, кромѣ весьма туманныхъ заявленій съ высоты престола и министерскихъ кафедръ, ровно никакихъ мѣръ, чтобы дать гарантіи, способныя успокоить встревоженное польское общественное мнѣніе.

Напрасно союзнофильская часть нейтральной прессы и польскаго общества указывали на неизбѣжность разрѣшенія польскаго вопроса центральными имперіями — правительства quadruple entente были глухи и нѣмы: желаніе Россіи разсматривать польскій вопросъ, какъ вопросъ политики внутренней, диктовало имъ линію поведенія и привело къ простому рѣшенію: запретить говорить о польскомъ вопросѣ. Это элегантное рѣшеніе, къ сожалѣнію, оказалось не дѣйствительнымъ и въ концѣ концовъ польскій вопросъ сталъ еще , послѣ акта 5 ноября, правительства quadruple entente заговорили. Починъ въ данномъ случаѣ, какъ и раньше, принадлежитъ Россіи, которая 14 ноября опубликовала свое воззваніе, обращенное ко всѣмъ державамъ міра.

Нельзя сказать, чтобъ это воззваніе удовлетворило союзнофильски настроенныя части польскаго общества и нейтральной прессы.

Каковы могутъ быть результаты провозглашенія польской независимости, хотя бы и ограниченной? Прежде всего конечно, хотя и частичное, но все же пораженіе пангерманистскихъ стремленій: независимая Польша неизбѣжно явится одной изъ преградъ для чисто прусскаго Drang nacht Osten. Кромѣ того она поставитъ вопросъ о Познани.

А. Х.

БИБЛІОГРАФІЯ

„КЛИЧЪ“

Органъ коллектива старыхъ работниковъ П. С.-Р.

Мы не разъ уже сообщали, что наши товарищи — интернаціоналисты продолжаютъ неустанно работу въ Россіи.

На страницахъ „Жизни“ и „Откликовъ Жизни“ появились выдержанно-революціонныя резолюціи Кавказскаго областного съѣзда П. С.-Р. и воззваніе „Харківскаго гурта соціалістівреволюціонерів“, были напечатаны „тезисы“ Петроградскаго комитета; сообщалось о томъ, что Петроградскіе товарищи издаютъ спеціальный военно-народный листокъ, что ими выпущены въ большомъ количествѣ воззванія и прокламаціи. Мы отмѣчали также роль с-р-овъ—интернаціоналистовъ въ агитаціи противъ военно-промышленныхъ комитетовъ.

Уже давно чувствовалась необходимость создать руководящій органъ. Еще въ самомъ началѣ войны была попытка издавать легальный еженедѣльникъ въ Москвѣ. Но первый-же номеръ былъ конфискованъ, редакція разгромлена. Сейчасъ, наконецъ, удалось создать такой органъ помимо „независящихъ обстоятельствъ“.

Въ Вольной типографіи“ Поволжья издается новая газета — „органъ коллектива старыхъ работниковъ П. С.-Р“ — *„Кличъ“*.

Къ намъ пришелъ пока лишь первый номеръ.

Товарищи съ Поволжья сообщаютъ радостную вѣсть о томъ, что „голосъ нѣкоторыхъ зарубежныхъ с.-р..., всецѣло подпавшихъ подъ пагубное вліяніе французскихъ шовинистовъ изъ соціалистическаго лагеря“ находитъ въ средѣ русскихъ товарищей „самый ничтожный отзвукъ, совращая или смущая чаще всего линь переферійные малосознательные элементы партіи“. Далѣе „Кличъ“ констатируетъ, что П. С-Р „въ цѣломъ не поддалась разлагающему вліянію шовинистическаго повѣтрія“ и „занимаетъ принциціально выдержанную позицію интернаціональнаго соціализма“.

Для насъ, конечно, очень важенъ и цѣненъ этотъ голосъ изъ Россіи, но для окончательнаго сужденія о позиціи мы все же преподчли-бы подождать рѣшеній общепартійной конференціи.

Пока же мы можемъ, въ подтвержденіе показаній нашихъ русскихъ товарищей, напомнить лишь о томъ несомнѣнномъ

фактѣ, что до сихъ поръ ни одна организація П.С-Р въ Россіи не примкнула открыто къ соц-патріотическому теченію.

Въ резолюціи „народнической" конференціи, въ особенности въ ея второй редакціи, есть, правда, наряду съ интернаціоналистскими положеніями, и соціаль-патріотическія нотки, но не надо забывать, что въ конференціи с.-р-ы занимали лишь крайнюю лѣвую, въ центрѣ же и на-право сидѣли Нар. соц ты и трудовики...

Мы можемъ, конечно, только привѣтствовать инициативу нашихъ товарищей въ Россіи, и твердо вѣримъ, что и ихъ кличъ съ Поволжья будетъ подхваченъ многоголосымъ эхомъ русскаго рабочаго народа.

А-ъ

Содержаніе № 1 „Клича", Августъ 1916 г.: Наша цѣль; Отъ распыленія сиѣ къ единству; П.С-Р и кризисъ догматическаго соціализма; Къ народамъ, которыхъ убиваютъ и разоряютъ!; Примѣчаніе редакціи: Выдержка изъ статьи Ю. Гарденина «Мой отчетъ: Ко всѣмъ организаціямъ и работникамъ П.С-Р.; Денежный отчетъ.

„ЗАПРОСЫ ЖИЗНИ"

(Ежемѣсячный журналъ. Изданіе воронежскаго общества народныхъ университетовъ).

Война, какъ извѣстно, разрушила всѣ органы демократической мысли. Одна за другой сходили со сцены газеты, завоевавшія себѣ уже широкія симпатіи и успѣвшія собрать вокругъ себя обширныя аудиторія. Попытки возродиться къ новой жизни обычно не увѣнчивались успѣхомъ, и, въ лучшемъ случаѣ, удавалось создать газеты-поденки, политическая жизнь которыхъ исчерпывалась однимъ только №. Особенно печально въ этомъ отношеніи было положеніе лѣвонароднической теченія, стоящаго на международной точкѣ зрѣнія. До самаго послѣдняго времени оно не имѣло возможности полно и цѣлостно выразить свою точку зрѣнія, и въ законченной формѣ обосновать свою интернаціон. позицію. Переходъ въ противоположный лагерь такихъ видныхъ дѣятелей, какъ Бунаковъ. Авксентьевъ и др., естественно породилъ въ народническихъ кругахъ Россіи смятеніе и разбродъ, тѣмъ болѣе сильный, что голоса сторонниковъ теченія Гарденина долетали до нихъ заглушенные, урывками, фрагментарно. Потребность въ органѣ, ставящемъ своей задачей преодолѣніе идейной смуты, теоретической черезполосицы и организаціоннаго разброда, чувствуется чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе остро. И всякую попытку въ этомъ направленіи приходится только привѣтствовать. Въ ряду этихъ попытокъ слѣдуетъ особенно отмѣтить начинаніе группы воронежск. литераторовъ. До сихъ поръ вышло 9 ном., и каждый изъ нихъ посвященъ изученію какъ теоретическихъ проблемъ, такъ и практическихъ вопросовъ, поднятыхъ вихремъ событій. Въ рядѣ статей послѣдовательно обосновывается точка зрѣнія интернаціонализма и умѣло примѣняется къ анализу явленій текущей жизни. Особенно привлекаетъ въ „Запросахъ Жизни" отсутствіе академизма и живая связь съ живой жизнью. Въ этомъ залогъ дальнѣйшаго процвѣтанія молодого органа. Пожелаемъ же ему успѣха и широкаго распространенія.

А. Р. („Сибирь")

Содержаніе № 11-12

1). Военно-буржуазная организація труда.
2). Юбиляры и тріумфаторы. *В. Дикаго.*
3). Фридрихъ Адлеръ. *Б Оленина.*
4). Балканы и война. *Саркиса.*
5). На родинѣ. *Ин. Андреевой.*
6). Его некрологъ. *Ю. Гарденина.*
7). Автономія Польши. *А. Х.*
8). Библіографія.
10). Объявленія.

Salle des Sociétés Savantes
8, rue Danton, 8
Въ субботу 9 декабря, 1916 г.
въ 8 ч. в. состоится
ЛЕКЦІЯ
Виктора Михайловича Чернова
— НА ТЕМУ —
„ПОЭЗІЯ ЭМИЛЯ ВЕРХАРНА"

ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЕ 7-го ЯНВАРЯ 1917 г.
(Русское Рождество)
въ SALLE DU GRAND ORIENT
Métro: Cadet **16, rue Cadet, 16** Métro: Cadet
состоится
КОНЦЕРТЪ-ЕЛКА
I. **ЕЛКА** съ подарками, дѣтскій дивертисментъ, игры и т. д.
II. **КОНЦЕРТЪ** (русская музыка). Подробности въ афишахъ.
III. **ДИВЕРТИСМЕНТЪ**. Лотерея. Цвѣты. Почта. Ужинъ.
Начало въ 1 ч. дня
Буфетъ открытъ отъ 1 часа дня до 11 час. вечера

Ввиду ограниченнаго числа дѣтскихъ билетовъ, запись дѣтей на елку принимается заранѣе въ помѣщеніи библіотеки — 10, rue des Cordelieres, — по воскресеньямъ отъ 2 до 4 ч. дня, по вторникамъ и пятницамъ отъ 7 съ полов. до 9 ч. веч.

Билеты отъ 1 до 5 франковъ можно получать во всѣхъ русскихъ колоніальныхъ учрежденіяхъ

Le Gérant: **Hambourg.**
Imprimerie Russe, 19, rue Daguerre